

ОН ОТДАЛ ВСЕ, ЧТО ИМЕЛ

Памяти Сергея ПАРАДЖАНОВА

«Исповедь» Сергея Параджанова нам уже не дано увидеть. Съемки фильма вторично и навсегда были оборваны летом прошлого года раковой опухолью. А в первый раз фильм был не менее жестоко остановлен более четверти века назад иной раковой опухолью — партийным руководством Украины во главе со Щербицким.

Неснятых фильмов у Параджанова больше, чем у любого нашего режиссера. Только при втором аресте исчезло семнадцать сценариев, готовых к съемкам и отвергнутых властями. Еще около сотни были вынесены им из заключения, но существовали в устной форме. Он держал их в себе, постоянно возобновляя, но не записывая, очевидно, наученный горьким опытом, что записанный им сценарий неизбежно уничтожается. А последний, но давний по возникновению грандиозный замысел «Слово о полку Игореве» он не смог уже полностью даже рассказать, хотя продуман он был им до потрясающей воображение предметности образов, текста, пластики, характеров, строений, костюмов, оружия, животных и растений.

Только малую часть его рассказов удалось записать на видеокамеру, когда он уже был болен и говорил с трудом. Он умирал долго, сначала в московской больнице, куда незамедлительно перекозал центр прошлого года московского Международного кинофестиваля; потом в Тбилиси, в старом городе под самым фрункулером, куда добрался мог, казалось, только подготовленный альпинист (в доме без воды, телефона и кухни, с расколотым, ощерившимся, как пасть акулы, унитазом), окруженный сотнями, тысячами праздных, докучливых, восторженных поклонников со всего мира, эгоистично высасывавших из него щедрую энергию гения, опекаемый и оберегаемый немногими друзьями. Его дважды устраивали в роскошные цеховские санатории, но он сбежал оттуда на третий день со словами: «Я не могу жить в этой зоне. Это единственная зона, где я не выживу».

А зон пришлось сменить ему десятка три во времена трех его заключений. Он был директивный эзк. Это значит: когда ему дали срок, то негласно вместе с ним в зону ушло распоряжение, что срок сроком, но на волю он уже выйти не должен. Отсидит этот срок — подставят, спровоцируют, организуют что-либо, повесят новый, и так до смерти, до самой смерти в зоне. И когда Луи Арагон от международного комитета по освобождению Параджанова уломал Брежнева и тот согласился дать «добро» на освобождение, то Параджанова уже не смогли отыскать в зонах даже кегельбисты в течение полутора. Декрет действовал безотказно: Параджанов уже исчез как Параджанов, он был безымянный эзк номер такой-то, перебрасываемый из зоны в зону, из зоны в зону...

«Самое страшное, когда тебя за ногу тихо будят ночью. Значит, переводят в другую зону». Параджанов повторял это очень часто, полагая, что эзковский опыт надо передавать всем своим коллегам, и жалел искренне тех, кто еще не отбыл свое в зоне. Тарковскому он сказал: «Тебе, чтобы стать великим, надо отсидеть хотя бы два года. Без этого нельзя стать великим русским режиссером в России». И еще он советовал: «Никаких уколов в медсанчасти в зоне, даже если вы диабетик, даже если сердечный приступ». В первой же зоне об этом его предупредил один врач, который, к счастью, видел его фильм «Тени забытых предков». Он сказал, что получил распоряжение ввести ему вместо нитроглицерина жидкий гипс. Он должен был умереть в зоне, но умер спустя много лет в Ереване, в доме друзей, куда вернули его, уже безнадежного, из парижской клиники, в которой два месяца боролись за его жизнь, откуда на просьбу передать телефонную трубку Параджанову доносился мелодичный голосок медестрей: «Это невозможно. Мсье Серж отдыхает». И по тому скрытому восторгу, с каким она произносила «мсье Серж», было ясно, что и она уже покорена неистребимым даром едва живого художника — наделять всех вокруг себя красотой и добром.

Он заражал окружающих бациллами таланта — таланта видеть, понимать и творить красоту. Он, как вулкан, извергал из себя этот уникальный дар — талант провоцировать таланты. Как кутила и мот, он транжирил себя налево и направо, всем ученикам и эпигонам, завистникам и подражателям, влюбленным и хулителям, избранным и отверженным, ис-

тинным ценителям и убогим духом отдавал все, что имел: идеи, ковры, вина, образы, сценарии, фрукты, хлеб. И от этого все больше и больше богател.

Слава Богу, остались и нам воплощенные в материале фильма ли, коллажа, графики ли, фрески, сценария создания Мастера. Первым и самым могучим, законченным выбросом гениальности, непрерываемой, как солнечный протуберанец, был его фильм «Тени забытых предков», в силовом поле которого оказался весь современный мировой кинематограф. Вот уже 25 лет фильм, который при рождении был окрещен секретарем ЦК КПУ Скобой как «недолугий фильм» — затрудняюсь перевести с украинского, очевидно, ближе всего «убогий, неполноценный, дебиловый», — этот фильм собирает урожай признания, и ни один фильм сегодня в мире не удостоен такого количества призов, медалей и дипломов. Бог с

ними, с наградами — все равно Параджанову они не достались. Где они осели, в каких сейфах и архивах? За всю его жизнь до 1986 года единственный раз его оформляли для поездки за рубеж, но и то кончилось тем, что ему сделали прививку против чумы и холеры, температура на три дня подскочила до 42°, а вместо него на фестиваль в Мар-дель-Плата направили профессионального стукача.

Этот фильм появился тогда, когда кинематограф в очередной раз захлебывался в гнилом болоте реализма — социалистического ли, критического, ползучего, магического или еще какого-либо другого, стремительно приближаясь к отражению жизни в формах самой жизни, к возможно полной аутентичности жизни, то есть просто к аннигиляции самого феномена искусства. Поэтому, как любой реализм, как бы его ни называли, это ту-пик, в котором неизбежна замена образа

понятием, самоупражнение искусства, подмена искусства статистикой, исчезновение автора, замена его функционером. Параджанов вернул искусству образ, и не только вернул, явил доселе неведомый в кинематографе слав культуры как целостности национального космоса и авторского, индивидуально авторского, мифотворчества. И на каком уровне исполнительства! На уровне вершинных мировых виртуозов, на уровне Брейгеля, Стравинского, Пикассо, Плисецкой, Стефанека, Лорки, Параджанова. И это во время пика, шабаша, разгула тоталитаризма, и не только нашего отечественного, во время шаблона и стандартизации, во времена порабощения разума и совести. Быть личностью в такие времена и вести за собой целое молодое поколение — вот и цена: зона строгого режима пожизненно. Он писал из зоны жене: «Светлана, пережди бандеролью, может, и пройдет, цукерки дешевые с разными витаминами и средствами укрепления сердца. Я чувствую себя хорошо, несмотря что мокут ноги от мазута и дождя. Я ничего не могу. Я в плену. Я знаю, что говорит эфир. Это глупости. Все было страшнее. Получил письма от Боровских и Тарковского из Москвы. Моя вина в том, вероятно, что я родился. Потом увидел облако, красивую мать, горы, собор, сияние радуги — и все с балкона детства. В тумане над освещенным лагерем осенью кричали всю ночь заблудшие в ночи гуси. Они сели на освещенное ограждение, и их ловили голые осужденные, их прятали, их отнимали прапорщики цвета хаки. Наутро ветер колыхал серые пушинки. Шел дождь, моросил. Осталось 998 дней...» Вот он, родился только что один из ста ненаписанных сценариев. Потом гуси станут лебедями, потом сценарий станет фильмом «Лебединое озеро. Зона» — последним фильмом, сценарий которого принадлежит Параджанову. После просмотра фильма умирающий Параджанов над городом и собором, на том же балконе детства делал укол инсулина в живот прямо через рубашку — эзковский способ стерилизации шприца — и говорил: «Так каждый день, Юра. Это можно сойти с ума. Каждый день. Знаешь, это можно сойти с ума... Диабет. Какие болячки только я не вынес из тюрьмы! Знаешь, откуда у меня могло быть прогнившее легкое? Я тебе расскажу. Приехал какой-то человек из Ворошиловграда и протянул мне руку. Он мне пожал руку, комиссия какая-то, начальство. И это вызвало недовольство у воров — они подумали, что я подсадная, значит, утка. Может, что-то пишу о зонах. И они мне решили отомстить. Я был дворником на территории, и они залили водой цех, примерно 60 сантиметров была глубина воды, триста квадратных метров цех, если не шестьсот. Я должен был ведрами вытаскивать за ночь всю эту воду, чтобы не сорвать рабочий день. И вот я начал выливать эту воду. Холод, мороз, я в воде, мокрые ноги, сапоги... Как называется — замерзает вода? Потом надо было ее ломать ломом, эту воду. Да, лед, лед называется! Ломал и выкидывал, представляешь? Могло ли быть у меня воспаление легких, перенесенное вот так? И прогнившее легкое, которое сейчас вытаскивали, оперировали... Ну кто мог представить, что я буду вот так перерезан? Вот посмотри... А... Я съел с ума. Ночью плохо спал, думал о фильме...»

Этот последний сценарий Параджанова как бы метафора его жизни — история о человеке, вырвавшемся, бежавшем из зоны. Измученный, под утро он прячется в гигантском придорожном монументе — серпе и молоте. И когда просыпается в нем, то обнаруживает, что прямо под монументом — наряд солдат, который ищет именно его. Беглец становится заложником серпа и молота. Из одной зоны он попадает в другую, из которой ему уже не убежать. Символ социализма, символ порабощения человека — Серп и Молот. И сам Параджанов, как и герой его сценария, был заложником серпа и молота. Но не в силах совершить физический побег, он совершает прорыв в иную сферу, сферу духовную, и обретает свободу через духовное возрождение.

Параджанов совершил невозможное — реализовал себя как творца с той степенью свободы личности, которая дается только гениям.

Юрий ИЛЬЕНКО,
кинорежиссер.
Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.

Эксклюзивные представители по
сбору рекламы для «МН» за рубежом:
Во Франции:
Женераль д'эдисон интернациональ.
Париж. 75012, rue de Picpus, 36.
Тел: 43.42.58.00; 40.24.20.02
Факс: 40.24.28.19.
В ФРГ:
Грунер—Яр. Гамбург.
Тел: 040/41182940 040/41183168
Факс: 040/41182942

СССР. 103829, ГСП, Москва, ул. Горького, 16/2
Телефоны: 229-81-86 (справочный), 209-17-49 и 202-85-52 (отдел писем),
209-05-60 (сектор рекламы).

АЭРОФЛОТ
Soviet airlines

Аэрофлот доставляет «Московские
новости» в различные города мира